

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПОУЧЕНІЕ

въ 5-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

„Да не речеши въ сердцѣ твоемъ: кто взыдетъ на небо? сиречь Христа свести. Или кто снидетъ въ бездну? сиречь Христа изъ мертвыхъ возвести. Но что глаголетъ Писаніе? близъ ти глаголь есть, во устнѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ: сиречь глаголь вѣры, еяже проповѣдаемъ“. (Рим. 10, 6—8).

Эти слова апостольскія мы слышали нынѣ за литургіей. Въ этихъ словахъ св. апостоль Павелъ даетъ отвѣты на великіе вопросы и недоумѣнія христіанской вѣры и жизни. Апостоль кратко очертилъ здѣсь все содержаніе своей проповѣди, указавъ ея первое и послѣднее слово. „*Великая благодѣтели тайна: Богъ явился во плоти*“ (1 Тим. 3, 16): *воплощеніе Божества*—вотъ начало, первое слово апостольской проповѣди. „*Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, Первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ человека, такъ чрезъ человека и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамъ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ*“ (1 Кор. 15, 20—22): *Воскресеніе Христово*—залогъ и порука всеобщаго воскресенія, —вотъ конецъ, послѣднее слово апостольской проповѣди. Эти двѣ истины—воплощеніе и воскресеніе—болѣе всего вызывали недоумѣніе и недовѣріе у слушателей апостола. Во времена апостольскія многіе люди, славные своей мірской ученостью, спрашивали-то съ недоумѣніемъ, то съ насмѣшкою: „Кто это восходилъ на небо, чтобы Христа свести? Можетъ-ли Богъ сойти съ неприступной высоты своего величія и стать человѣкомъ? Возможно-ли воплощеніе Бога,—да и зачѣмъ оно нужно? Кто это сходилъ въ бездну, чтобы Христа изъ мертвыхъ возвести? Можетъ-ли мертвецъ, погребенный во глубинѣ земли, снова выйти оттуда живымъ? Возмож-

но-ли воскресеніе мертвыхъ,—да и нужно-ли оно?“ На эти недоумѣнія апостоль отвѣчаетъ: „*Близко къ тебѣ слово, въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ*“.—Ты хочешь знать, возможно-ли и нужно-ли воплощеніе Бога и воскресеніе мертвыхъ? Спроси свое сердце: оно отвѣтитъ тебѣ; прислушайся къ своимъ собственнымъ рѣчамъ, когда высказываешь лучшія, завѣтныя думы и желанія свои: совѣсть скажетъ тебѣ, что нельзя тебѣ и жить по-человѣчески безъ воплощенія Бога и безъ воскресенія“.

Послѣдуемъ и мы указанію апостола и поищемъ опоры для нашей вѣры въ лучшихъ стремленіяхъ сердца нашего. Мы переживаемъ тяжкое время всяческаго броженія и колебанія, по землѣ русской широкой волной разливаются безбожныя мысли и чувства, подъ заманчивой оболочкой свободаго слова науки и изящно написанной книги; немало такихъ людей, которые только по документамъ числятся христианами, а на дѣлѣ порвали всякую живую связь съ вѣрой и Церковью. Есть и такіе, которые хотятъ быть христианами безъ Христа; съ легкой руки Толстого многіе говорятъ: „Къ чему намъ эти отвлеченныя ученія, эти заоблачныя догматы о существѣ Божіемъ, о воплощеніи, о воскресеніи? все это такъ непонятно, такъ далеко отъ нашей жизни,—и совѣмъ не нужно; довольно съ насъ христіанскаго ученія о томъ, какъ намъ жить, какъ устроить эту земную жизнь справедливо и счастливо.“ Въ виду такихъ рѣчей намъ, христіанамъ, необходимо ясно сознавать, *какъ* и *почему* мы вѣруемъ. Къ этому призываетъ насъ тотъ же апостоль Павелъ; „*Братія, не будьте дѣти умою; на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтні*“ (1 Кор. 14, 20). Къ тому же призываетъ насъ и другой первоверховный апостоль Петръ: „*Будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ*“ (1 Петр. 3, 15). Итакъ, дадимъ же себѣ отчетъ въ томъ, почему мы вѣруемъ въ воплощеніе Бога и въ воскресеніе мертвыхъ,—и какое значеніе имѣетъ эта вѣра для нашей жизни.

Жизнь человѣческая справедливо называется долиной плача: отъ колыбели и до могилы человѣка окружаютъ скорби. Среди болѣзненныхъ стоновъ матери съ плачевнымъ крикомъ по-

является младенецъ на свѣтъ Божій; самые первые мѣсяцы и годы новаго человѣка проходятъ въ постоянномъ колебаніи между жизнью и смертью: младенецъ слабъ, легко подвергается многочисленнымъ недугамъ, и нерѣдко острая коса смерти подрѣзываетъ его, какъ еле распутившійся цвѣтокъ. Растетъ дитя,—растутъ и умножаются скорби его: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и яснѣе чувствуетъ оно и домашнюю бѣдность, и семейныя неурядицы, и потерю близкихъ, и свои школьныя огорченія. Доросъ человѣкъ до самостоятельной жизни,—начинаются заботы и скорби въ семьѣ и по должности, глубже чувствуются и общественныя неурядицы. Пережилъ человѣкъ пору своего мужества,—нѣтъ прежней свѣжести,—одолѣваютъ старческіе недуги, нерѣдко идетъ тяжелый раздоръ съ молодымъ поколѣніемъ, взаимное непониманіе и недовольство. Словомъ, нѣтъ возраста, нѣтъ сословія, нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы своихъ скорбей, нерѣдко тяжкихъ и лютыхъ, неожиданныхъ и неустрашимыхъ. А между тѣмъ всякій человѣкъ ищетъ счастья, желаетъ умножить свои радости и уменьшить свои скорби; и вотъ, человѣкъ стремится найти такое живое существо, съ которымъ можно было бы раздѣлить и горести, и радости и тѣмъ увеличить свое счастье: вѣдь, раздѣленное горе-пол-горя, а раздѣленная радость—двойная радость. И только эта сила—взаимная любовь—украшаетъ и освѣжаетъ скорбную жизнь нашу. Такая любовь легче всего зарождается и укрѣпляется между лицами равными,—между мужемъ и женой, братомъ и сестрой, между сверстниками и товарищами. Но вотъ наступаетъ такая скорбь, что не можетъ человѣкъ утѣшиться любовью и участіемъ *равнаго* существа: ищетъ онъ опоры и поддержки въ такомъ человѣкѣ, который выше и сильнѣе его; нужно страдальцу участие и сочувствіе такого лица, которое гораздо раньше его само пережило скорби—и не погибло, пережило радости—и не зазналось, не возгордилось. Въ самыя тяжелыя минуты нашей жизни какъ дорога и утѣшительна для насъ поддержка того, кто сильнѣе, бодрѣе, умнѣе, опытнѣе и нравственно выше насъ! Но какъ ни дорогъ для страдающаго такой утѣшитель,—далеко не всегда найдешь его среди людей. Бываетъ такая лютая пора,—некуда обратиться, не съ кѣмъ посоветоваться: одинъ не пойметъ, другой и слушать не захочетъ, третій самъ не знаетъ, что сказать, четвертый—

далеко; страшнѣе всего такое одиночество,—и не пережить бы его никому, если бы не было утѣшителя сильнѣйшаго и святѣйшаго. Чтобы избавить меня отъ безвыходнаго отчаянія, нуженъ мнѣ человѣкъ, подобный мнѣ, который самъ съ успѣхомъ прошелъ бы тяжелую школу жизни людской и могъ бы по собственному опыту сочувствовать мнѣ; но этотъ человѣкъ долженъ быть таковъ, чтобы я всегда, вездѣ и во всякой бѣдѣ могъ обратиться къ нему, чтобы онъ всегда и отовсюду могъ меня видѣть и слышать, во всякомъ горѣ могъ бы меня полюбить и пожалѣть, во всякой бѣдѣ могъ бы подать мнѣ скорую и могучую помощь. Нуженъ намъ такой утѣшитель, который былъ бы вездѣ и всегда, видѣлъ и слышалъ бы все, любилъ бы всѣхъ безъ исключенія и все могъ бы сдѣлать,—Утѣшитель вѣчный, вездѣсущій, всебѣдущій, безконечно любящій, всемогущій, словомъ *Богъ*, могущій всегда и во всемъ насъ спасти,—Онъ же и *человѣкъ*, могущій дѣлать наши человѣческія радости и скорби, необходимъ для нашей жизни *Богочеловѣкъ*,—необходимо *воплощеніе Божества*.

Ты скажешь: „Воплощеніе Бога *нужно* для насъ,—это ясно; но *возможно-ли* это? Можетъ ли Богъ стать человѣкомъ,—съ высоты величія своего умалиться до нашей скорби и бѣдности?“—Опять прислушайся къ голосу сердца своего; посмотри на силу любви человѣческой, и увидишь силу любви Божіей. Силою любви человѣкъ побѣждаетъ самого себя, самую природу свою, и отдаетъ себя въ жертву за любимаго. Вотъ женщина, въ дѣвичество росшая подъ заботливымъ присмотромъ родителей, въ замужествѣ окруженная попеченіями мужа, который старается удалить отъ нея всякія скорби и неприятности. Вотъ, ея дитя заболѣло,—и мать забываетъ покой и нѣгу, какими была окружена доселѣ, не доѣдаетъ куска, не досыпаетъ ночей, ухаживая за больнымъ ребенкомъ; любовь даетъ ей силу побѣдить себя и свои привычки. Вотъ русскія женщины, воспитанія нашимъ поэтомъ Некрасовымъ,—дворянки, воспитанныя въ богатствѣ, въ почетѣ, въ холѣ и роскоши. Постигъ мужа жизненный ударъ—ссылка въ Сибирь, и любящая жена идетъ съ нимъ дѣлать его суровую долю, изъ знатной барыни превращается въ ссыльную, покидаетъ всѣ барскія привычки, съ какими жила отъ колыбели; любовь даетъ ей силу побѣдить себя,

перенести и дальній трудный путь, и тяжелую арестантскую долю; и въ этомъ добровольномъ униженіи она неизмѣримо выше и величественнѣе, чѣмъ въ прежнюю пору несмѣтнаго богатства, неприступнаго величія и роскоши. На такую жертву способна любовь немощнаго и грѣшнаго человѣка; а для безконечной любви Божіей можетъ-ли быть тяжелой и невозможной какая-бы-то-ни-было жертва ради блага человѣка? Знатная женщина можетъ по любви поступиться своимъ внѣшнимъ величіемъ,—тѣмъ болѣе безконечно-любящей и всеильный Богъ можетъ снизить къ ничетѣ и скорби нашей. *„Ты моя крѣпость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Богъ, Ты мое радованіе, не оставь нѣдра Отца, и нашу нищету посѣтивъ; тѣмъ съ пророкомъ Аввакумомъ зову ти: сила Твоей слава, Человѣколюбче!“*

Итакъ, воплощеніе Бога и необходимо для насъ, и возможно для безконечной любви Божіей,—и совершилось на дѣлѣ съ пришествіемъ въ міръ Христа Спасителя. Господь Іисусъ ходилъ по землѣ въ образѣ смиреннаго человѣка, могъ сочувствовать намъ въ немощахъ нашихъ, какъ и всякій человѣкъ, чувствовалъ голодъ, жажду и усталость,—дѣлилъ радости людскія на бракѣ въ Канѣ Галилейской, на вечерахъ въ домахъ Симона, Марѳы и Маріи, дѣлилъ и горести людскія—утѣшалъ Гаира и Наинскую вдову въ потерѣ дѣтей, плакалъ надъ гробомъ друга своего Лазаря. Но сквозь смиренный образъ человѣка—Іисуса свѣтилась слава предвѣчнаго Сына Божія. Въ живомъ властномъ словѣ Христа слышалась небесная высота, Божеская мудрость и сердцевѣдѣніе. Его слово приводило въ трепетъ бѣсовъ, Его прикосновеніе возвращало больнымъ здоровье, слѣпымъ—зрѣніе, мертвымъ—жизнь. Какъ больные глаза не выносятъ яркаго свѣта дневнаго, такъ и гордые души первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ не могли вынести святости Христа, которая была для нихъ постояннымъ, живымъ укоромъ и обличеніемъ; и вотъ, кроткій и благодостный Учитель схваченъ, осужденъ, избитъ, поруганъ, оплеванъ, преданъ позорной и мучительной смерти наряду съ разбойниками. При видѣ такой вончины Величайшаго Праведника и Чудотворца у всякаго чуткаго и мыслящаго человѣка является вопросъ: стоитъ-ли дѣлать добро? стоитъ-ли любить людей, благотворить имъ и учить ихъ добру? Вотъ, на Голгоѣѣ томится въ мукахъ Свя-

тѣйшій Учитель и Благодарѣтель рядомъ съ грабителями и душегубцами; Его любви—такой же конецъ, какъ и ихъ злобѣ, —смерть и холодная могила. Стоитъ-ли по-напрасну тратить силу на добро, когда ему такой-же конецъ, какъ и злу?

Задайся этимъ вопросомъ всякій человѣкъ, и попробуй отвѣтить на него безъ воскресенія Христова. Ученый мужъ, преданный наукѣ, но отрицающій воскресеніе! зачѣмъ ты трудишься, и какой смыслъ въ твоей работѣ? Ты изучаешь законы природы, обогащаешь свой умъ, приобретаешь себѣ имя,—а дальше что? умрешь, и зарюютъ тебя въ землю наравнѣ съ безграмотнымъ, лѣнливымъ, умалишеннымъ; къ чему же былъ твой трудъ? Правда, твое имя будетъ гремѣть въ потомствѣ, но что тебѣ пользы въ этомъ, если отъ тебя самого ничего не останется? Ты приносишь пользу другимъ людямъ; но и имъ конецъ одинъ—гробъ и могила; если все кончается смертію, то вся твоя ученая работа—ни къ чему. —Общественный дѣятель, готовый ревностно служить меньшей братіи, но не признающій воскресенія? есть-ли какой смыслъ въ твоемъ челоуѣлюбіи? Вѣдь, тебя часто не понимаютъ, осуждаютъ и ропщутъ на тебя даже тѣ самые люди, для которыхъ ты трудишься; твоей добротой злоупотребляютъ, тебя обманываютъ; часто самыя благія начинанія твои рушатся, изъ задуманнаго тобой добра выходитъ зло. Зачѣмъ же ты хлопчешь, тратишь силы, вопреки чувству самосохраненія портишь кровь и нервы, если и тебѣ, и всѣмъ людямъ одинъ конецъ—могила? Зачѣмъ льешь воду въ бездонную посуду, зачѣмъ трудишься безъ смысла? Не лучше-ли тебѣ махнуть рукой на всѣ добрые порывы—и жить только въ свое удовольствіе? *„Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша... И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастныя всѣхъ челоуѣковъ... Для чего и мы ежечасно подвергаемся бѣдствіямъ?.... Какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ? Станемъ псть и пить, ибо завтра умремъ!“* (1 Кор. 15, 14, 19, 30, 32).

Но воскресъ Христосъ,—и нѣтъ болѣе мѣста всѣмъ этимъ вопросамъ и недоумѣніямъ! Гробъ Христовъ пустъ; однѣ пелены остались на мѣстѣ; воскресшаго Учителя ученики видятъ, долго не вѣрятъ, осязаютъ руками, испытываютъ и, наконецъ, познаютъ съ достовѣрностью: воистину воскресъ

Христосъ! Теперь и для нихъ, и для насъ ясно и Божество Христа: только Богъ могъ побѣдить темную силу смерти, предъ которой безсильно склоняется все живое. Теперь мы можемъ вѣрить и слову Христову: „Въ мѣръ скорби будете; но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ мѣръ“ (Іоан. 16, 33). Не скорби до отчаянія, человѣкъ, о потерѣ близкихъ сердцу твоему: воскресъ Христосъ,—и самая смерть стала поправимой бѣдой,—ты снова увидишь и узнаешь своихъ присныхъ въ день общаго воскресенія. Трудись, ученый! работай, простой труженикъ! благотвори людямъ, дѣятель общественный! все ваше добро, не оцѣненное здѣсь, воскреснетъ вмѣстѣ съ вами и возсіяетъ, какъ солнце, „въ не вечернѣмъ дни царствія Божія.“ Невѣрующей воплощенію и воскресенію! сознай свое неразуміе, устыдись его, признай въ вѣрѣ Христовой великую живительную силу, а если не хочешь, то откажись вовсе отъ всякой разумной и полезной жизни человѣческой. Вѣрующей! знай, почему, и зачѣмъ ты вѣруешь: безъ воплощенія Бога не перенести тебѣ скорбей житейскихъ, а безъ воскресенія Христова не стоитъ тебѣ и жить на свѣтѣ. Прославляй же Спасителя—Бога, воплотившагося и воскресшаго, стыдись малодушія въ скорбные часы твоей жизни и чаще взывай къ Начальнику вѣры: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога Живаго, пришедшій въ мѣръ грѣшныя спасти, отъ ниже первый есмь азъ!“

Священникъ Александръ Воронцовъ.

„Основные мотивы творчества М. Горькаго“.¹⁾

Среди „босьяковъ“ Горькаго есть два вида: „босьяки не дѣйствующіе и не собирающіеся дѣйствовать“, и „босьяки приготавлиющіеся къ дѣйствию“.

Въ первыхъ онъ видитъ „разновидность босьяка“, не удовлетворяющую его. Эту мысль Горькій высказываетъ—мы видѣли—въ одномъ изъ лучшихъ своихъ рассказовъ—„Коноваловъ“.

На рѣчи Горькаго, что онъ—Коноваловъ—печальная жертва социальныхъ условий, послѣдній говоритъ:

¹⁾ Продолженіе. См. № 23—24.